

НАСИЛИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Е.М. Поляков

Воронежский государственный университет

Аннотация: В данной статье рассмотрен концепт нелегитимного насилия, осуществляемого как государством, так и негосударственными участниками политического процесса. Показано, что насилие структурирует властные отношения в обществе, особенно в условиях распада государства. Также дано объяснение причинам, по которым государство теряет монополию в сфере применения насилия в современном мире..

Ключевые слова: социальный институт, насилие, терроризм, частные армии, несостоявшиеся государства.

В данной статье речь пойдет об институте насилия и его конструирующей роли в обществе, столь незаслуженно игнорируемой многими исследователями. Прежде, чем перейти к анализу феномена насилия, способов его манифестации и функциональном назначении в обществах разных типов, определимся с основными категориями.

1. Предварительные замечания

Одним из самых часто используемых и трудно операционализируемых понятий в социологии выступает социальный институт. Существует множество определений этой категории, зависящих от того, какого научного подхода придерживается автор. Например, Н. Смелзер считает, что «институтом является совокупность ролей и статусов, предназначенная для удовлетворения определенной социальной потребности» [Смелзер 1994: 79]. Как «устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности (здесь и далее все выделения сделаны мною, кроме оговоренных случаев — авт.) и организующих их в систему ролей и статусов, образующих социальную систему» определяет его Л. Седов [Седов 1990: 117]. В рамках информационного подхода институт рассматривают как «специфическое знание, которое выработано многими поколениями людей, усвоено ныне живущим поколением и содержит рекомендуемые нормы поведения» [Корнейчук 2007: 11]. Рассмотрение институтов в функциональном ключе предполагает, что всякий социальный институт складывается как устойчивая структура, выполняющая определенные функции — социальные действия. По этому подходу социальный институт есть «объединение людей, выполняющих специфические функции по

удовлетворению общих потребностей» [Давыдов 2006: 68]. Функциональное назначение институтов заключается в «использовании ресурсов общества в *формах интеракции* ради удовлетворения той или иной социальной потребности и *стабилизации деятельности* людей, путем сведения ее к более или менее предсказуемым образцам социальных ролей» [Смелзер 1994: 81]. Это характерно для всех традиционных институтов: семьи, образования, церкви и т. д. Но в социальном устройстве общества есть еще один важный институт, который как раз обеспечивает разные формы интеракции и стабилизацию деятельности. Имя ему — насилие.

Это особенный институт, незаслуженно игнорируемый большинством социологов. Незаслуженно потому, что разные институты на протяжении истории человечества возникали и отмирали (например, разные формы брака) или меняли свое содержание (например, ответственность). И только насилие как институт, возникнув еще в архаических обществах, сохранилось в практически неизменном виде до наших дней. Игнорируемый потому, что в собственно социологических исследованиях насилие либо не рассматривается вообще, так как трактуется как патология, либо рассматривается как частный случай девиантного поведения (преступления, связанные с физическим насилием), либо рассматривается через призму конфликтологической парадигмы.

2. Типология насилия и обществ: вопрос о доступе к ресурсам

Хотя мы привыкли связывать насилие с преступлениями, терактами и войнами, в структуре насилия мы можем выделить три уровня — это «символическое» насилие, воплощенное в языке и привычных речевых формах; «субъективное» насилие, воспринимаемое нами на основе личного опыта и особенностей мышления (попутно отметим, что вообще все институты не существуют сами по себе, но сами являются во многом следствием мышления человека, особых ментальных моделей); и «системное насилие», возникающее вследствие определенной организации самого социума [Жижек 2010: 5-12].

Интересный взгляд на институционализацию насилия предлагает Д. Норт. По его мнению, «институты — это «правила игры», структура взаимодействия, которая управляет и ограничивает отношения индивидов» [North 1990: 3-4]. Институты включают в себя формальные правила, формальные социальные соглашения, неформальные нормы поведения, писанные законы, а также *убеждения о мире* и средства принуждения к исполнению этих правил и норм. Институты структурируют способ формирования у индивидов убеждений и мнений о поведении других людей. Одни и те же институты приводят к разным результатам, в зависимости от контекста. Насилие как социальный институт проявляется в разных измерениях и может быть выражено в физических действиях или угрозах совершения физических действий. И акты насилия, и принуждение являются элементами насилия. В другом измерении насилие может быть действием одного человека или действием организованных групп — от банд до армий. Основной проблемой является организованное насилие, использование насилия или угроза насилия группами. Насилие также влияет на человека, которому угрожает физическое нападение, как и на человека, который действительно ему подвергся.

Управление насилием при помощи повторяющихся личных контактов может поддерживать формирование только небольших групп людей, возможно, состоящих из 25-50 индивидов. В более крупных группах ни один индивид не обладает личным знанием обо всех членах группы или общества, и потому сами по себе личные отношения не могут быть использованы для контроля над насилием. Во всяком случае, есть исследования, свидетельствующие в пользу этого предположения [Kelly 1995: 205-232]. Для архаичного общества большой размер был труднодостижим: личные контакты не могли быть скрепляющим общество элементом и для преодоления ограничения необходим был особый институт. Судя по всему, им стало насилие. Этнографические и антропологические данные позволяют предположить, что

частота применения насилия (по крайней мере, в качестве наказания) в примитивных сообществах и небольших группах довольно высока. Было отмечено, что прямое насилие часто является неприемлемым и вместо него используется изоляция, как физическая, так и социальная [Betzig, Dentan, Knauff, Otterbein 1988]. Кит Оттребейн в ходе своего кросс-культурного исследования показал, что физическое насилие в качестве высшей меры наказания применяется, если индивид обвиняется в тяжком преступлении: убийство, воровство, колдовство, изнасилование и др. [Otterbein 1986]. Важным является и то обстоятельство, что примитивные племена и вождества, прежде чем превратятся в государства, должны обзавестись идеологией. Она способствует социальной эволюции и развитию сложных социальных систем, которое невозможно без *контроля над доступом* к властным ресурсам [Albert 1989].

Этот контроль достигается следующим образом. Во-первых, в простых обществах характер насилия часто отличается от насилия в обществах, организованных по племенному принципу. Во-вторых, в эгалитарных сообществах насилие может быть ограничено, но только в отношении *своих членов*, что означает частое применение его к иноплеменникам (например, в случае нарушения ими религиозных запретов и табу). В-третьих, насилие представлено, в основном, убийствами (в том числе, ритуальными). Случаи избиений, отъема собственности или грабежей практически нет, равно как низка доля самоубийств [Knauff, Daly, Wilson, Donald at all. 1987].

Конечно, в столь простых обществах властные ресурсы связаны не с персональными характеристиками индивида, а с его принадлежностью к той или иной группе. Соответственно, определяющую роль играют половозрастные характеристики, место жительства, род занятий и кровные связи. Постепенно, в истории человечества, эти черты замещались профессионализмом, лидерскими качествами, компетентностью и т. д.

Показательно, что эти данные укладываются в теорию Д. Норта и соавторов. Для рассуждений последних характерно использование концепта *доступа*, базируясь на котором они выделяют два типа обществ (или в авторской терминологии — *социальных порядков*): ограниченного и свободного доступа. Социальные порядки характеризуются тем, как общества создают институты, поддерживающие существование специфических форм человеческой организации, *способ*, которым общество ограничивает или открывает доступ к организациям при помощи стимулов, формируемых моделью организации. Эти характеристики социальных порядков также тесно связаны с тем, как общества ограничивают и контролируют насилие [Норт 2012: 8-17].

Модель свободного доступа характеризуется политическим и экономическим развитием; экономикой, которая меньше страдает от отрицательного роста; сильным и динамичным гражданским обществом с большим числом организаций; более крупными и более децентрализованными правительствами; *распространением безличных социальных взаимоотношений*, включая верховенство права, защиту права собственности, справедливость и равенство. Модель ограниченного доступа характеризуется медленно растущими экономиками, чувствительными к потрясениям; политическим устройством, которое не основывается на общем согласии граждан; относительно небольшим числом организаций; менее крупными и более централизованными правительствами; господством личных связей и незащищенными правами собственности [North, Wallis, Waingast 2009: 11-15].

В порядке ограниченного доступа или естественном государстве, личные отношения, в особенности личные отношения между властными индивидами, — то, кто кем является, и кто кого знает, — составляют основу социальной организации и служат ареной для взаимодействия людей. Естественные государства ограничивают способность индивидов формировать организации. Идентичность, которая в естественном государстве имеет глубоко личный характер, в порядках открытого доступа начинает определяться как *набор безличных характеристик*. В порядках второго типа доступ к организациям начинает определяться как безличное право, которым обладают все граждане. Естественные государства, напротив, ограни-

чивают доступ к организациям и принуждение к исполнению соглашений со стороны третьих лиц. Большинство организаций, даже самых простых, опираются на принуждение к исполнению соглашений между членами организации или соглашений между организациями и другими акторами третьей стороной. Современные порядки открытого доступа часто ограничивают насилие при помощи институтов. Институты задают правила, которые напрямую сдерживают насилие, меняя издержки насильственного поведения, прежде всего путем установления наказаний за использование насилия. Люди более склонны подчиняться правилам, даже при значительных издержках для себя, если они считают, что другие люди будут так же соблюдать правила [Levi 1997: 213].

3. Теория «youth bulge» об источнике насилия

К сожалению, рассмотренные выше работы экономистов, антропологов и социальных философов представляют собой скорее анализ того, *что такое* насилие, но не *откуда* оно берется. Между тем феномен социального насилия по-разному проявляется не только в разные исторические эпохи, но и в обществах, стоящих на разных ступенях развития и *существующих* в одно время. Следовательно, социальная структура общества (в первую очередь, иные институты, «обрамляющие» насилие) может быть лишь достаточным фактором для манифестации насилия. Что же, в таком случае, является необходимым?

Нам представляется, что ответ на данный вопрос может дать т. н. теория «youth bulge» или «молодежного пузыря». Согласно ей, в сообществах, в структуре которых доля молодежи до 24 лет составляет не менее 20%, будут наблюдаться общая политическая нестабильность, склонность политических режимов к авторитаризму и государственные перевороты, сопровождаемые всплеском нелегитимного насилия по отношению к наиболее социально незащищенным слоям населения [Fuller 1995: 151-154].

«Пузырь» возникает не столько там, где много молодежи (как, например, в Китае) сколько там, где молодые люди вынуждены *конкурировать* между собой за получение доступа к престижным позициям и социальным статусам. Масштаб социальной системы также не имеет значения — «youth bulge» может происходить как на уровне общества в целом, так и, например, в диаспорах или общинах. Необходимо учитывать тот факт, что в небольших сообществах люди будут чаще контактировать друг с другом непосредственно, что может иметь вполне определенный психологический эффект. Д. Харт и соавторы провели исследование, которое показало, что подростки и несовершеннолетние в таких сообществах будут больше контактировать со своими сверстниками и находиться под преимущественным социализирующим воздействием с их стороны, нежели со стороны взрослых [Hart, Atkins, Markey, Youniss 2004].

Для более «мирного» участия молодежи в общественно-политической жизни стран-«пузырей» на африканском материале были выработаны несколько рекомендаций: установить контакт между молодежью и политическими лидерами общин, проводить совместные мероприятия с политическими и этническими конкурентами (в том числе, на племенном уровне), расширить участие женщин, запустить программы, обеспечивающие молодежное участие и т. п. [Shari 2010: 1-6].

Молодежные исследования, проведенные в последние годы, выявили определенную корреляцию между уровнем экономического развития и проявлением социальной напряженности в неприемлемых формах (в виде нелегитимного насилия). Эти данные перекликаются с теоретическими построениями Д. Норта о природе и назначении ренты в порядках ограниченного доступа. Систематическое создание ренты при помощи ограниченного доступа в естественном государстве — не просто средство набить карманы членов господствующей коалиции; это также важнейшее средство контроля насилия. Контроль над насилием зависит от структуры и поддержания взаимоотношений между влиятельными индивидами. Есте-

ственное государство снижает проблему повсеместного распространения насилия путем создания господствующей коалиции, члены которой обладают особыми привилегиями. Ограничивая доступ к этим привилегиям только членами господствующей коалиции, элиты создают надежные стимулы сотрудничать, а не бороться друг с другом. Поскольку элиты знают, что насилие приведет к снижению их собственных рент, они имеют стимулы к тому, чтобы прекратить борьбу [North, Wallis, Waingast 2009: 17-18]. Но в случае, если насилие нельзя сдерживать, договоренности внутри господствующей коалиции (властвующей элиты) о прекращении борьбы будут нарушены, что, в свою очередь, приведет к учащению применения насилия в обществе.

Увеличение численности молодежи здесь является спусковым крючком в механизме социальных преобразований. Ш. Фокс и К. Хельшер в своем недавнем исследовании обнаружили, что в «гибридных» режимах (то есть сочетающих авторитарные и демократические черты) риск открытого проявления насилия наиболее велик. При наличии других факторов (бедность, этническая пестрота, социальное неравенство), насилие становится почти неизбежным [Fox, Hoelscher 2011: 13]. В такой ситуации его манифестация — дело рук многочисленной молодежи. При этом насилие проявляется в самых деструктивных формах — уличных беспорядках, политически мотивированном терроре и гражданских войнах. Наличие большого числа детей и подростков не останавливает, а стимулирует национально-освободительные движения по всему миру к ведению более активных боевых действий. В ряде случаев это приводит к формированию так называемых детских армий, как это было, например, у Тамильских тигров. К концу 1990-х гг. в более чем 50 государствах мира в детских армиях служило порядка 300 000 солдат [Heinson 2006: 21].

Однако основная угроза заключается в опасности гражданской войны и городской гегерии. На данный момент, 60 из 67 крупнейших по численности наций, столкнувшихся с *youth bulge*, пережили гражданские конфликты разной степени интенсивности: от массовых беспорядков до геноцида. Причем, вопреки распространенному мифу об исламской угрозе, взаимосвязи с религиозным фактором не прослеживается: лишь около половины этих стран имели мусульманское большинство или значительное меньшинство, остальные — христианские и даже буддистские страны [Heinson 2006: 36].

Избыток молодежи и осуществляемого ею насилия является важным конституирующим обществом фактором. Как показали работы Тимоти Эрла, демографическое давление в целом ряде обществ было причиной социальных изменений и перехода от вождества к государству [Earle 1987]. Он выделил три типа стратегий, которые могли приводить к подобному переходу. Первый тип связан с властью лидера, базирующейся на контроле над средствами производства и/или распределения. Второй связан с ведением завоеваний и заключением альянсов. Третий базируется на идеологии, легитимирующей власть лидера как необходимого условия для сохранения «естественного» порядка вещей в мире. Эрл считает, что «развитие сложных политических систем основано не просто на доступе к источнику власти, но на возможности *контролировать* (выделено в оригинале) его» [Earle 1989: 86].

Говоря о причинах насилия, Генрик Урдал (сотрудник Института изучения мира, Осло, Норвегия) подчеркивает, что при возникновении больших когорт молодежи происходит «растягивание» социальных институтов (например, рынка труда), что влечет за собой усиление социальной неудовлетворенности. Вот эта неудовлетворенность, в сочетании с социальной свободой (то есть отсутствием семей и ответственности за кого-либо), и вызывает к жизни насилие в молодежной среде [Urdal 2004: 5]. В другой своей работе он описывает (в виде гипотез) условия, при которых возникает политически мотивированное насилие. Они включают в себя наличие «*youth bulge*», политическую зависимость, низкие темпы экономического роста, быстрое распространение высшего образования, авторитарный характер режима и уровень урбанизации. Чем выше каждый из этих показателей, тем больше будет насилия

[Urdal 2006]. Отметим также, что каждое последующее условие усиливает предыдущее и на нем базируется, а ключевым здесь является наличие неустроенной молодежи.

4. Переходные общества: модернизация, миграция и терроризм

Нетрудно заметить, что эти условия были характерны для стран, переживших «Арабскую весну». Эти же страны (как и Россия) придерживались политики догоняющей модернизации. Означает ли это, что догоняющая модернизация с неизбежностью влечет за собой выход насилия за институциональные рамки и порождает системный кризис?

Очевидно, что это не так. М. бен Мохаммад, бывший премьер-министр Малайзии, в своих воспоминаниях пишет, что был вынужден применять авторитарную власть для проведения модернизации полуфеодальной (на тот момент) постколониальной страны [Mahathir bin Mohamad 1998: 42]. Интересен тот факт, что случаи проявления насилия в обществе сократились, а безопасность на улицах Куала-Лумпура и других крупных городов быстро достигла европейского уровня. Более того, в уже упомянутой работе К. Оттербеина говорится, что в племенах Семай в Малайзии и Джебузи в Новой Гвинее количество убийств снизилось до 5 на 100 тыс. чел. [Otterbein 1986: 37-39]. Данные показатели характерны для современных индустриальных государств, сумевших не только обуздать уличную преступность, но и дать своим гражданам возможность общественного участия — то, что Д. Норт и называет порядком свободного доступа. Стоит обратить внимание на следующее: порядок — не есть отсутствие насилия или какой-либо из его форм (скажем, физического, в виде грабежей и убийств), но наоборот, *наличие насилия* в виде институализирующего фактора.

Еще одно важное обстоятельство, с которым сталкиваются все страны, осуществляющие переход от закрытого к открытому обществу, — миграция. Исследования Х. Вэр на материале государств Океании показали, что в странах с низкой урбанизацией (Соломоновы острова, Папуа — Новая Гвинея) и сильной эмиграцией нестабильность и насилие наблюдаются чаще, чем в странах с долей городского населения более 40% и сильной внутренней миграцией из сел в города [Ware 2004: 3-7]. Но хотя город и предоставляет больше *возможностей* и обеспечивает более высокий уровень жизни, этот уровень не растет постепенно, а резко и однократно меняется при переезде. В сочетании с отсутствием *самореализации* (то есть перехода возможностей в реальность в виде качественного образования, карьеры и т. д.), города могут превращаться в своеобразные накопители социальной агрессии и выплескивать ее в самый непредсказуемый момент в виде неконтролируемого насилия.

Интересно отметить, что в переходных обществах нелегитимное насилие часто принимает форму терроризма и в определенном смысле, похоже на насилие в примитивных племенах. Как показали выше рассмотренные работы антропологов, в архаичных обществах насилие часто носит *ритуальный* или *символический* характер. Истинным объектом насильственных действий является не тот, на кого они направлены. Чаще всего, им выступает общество. Схожая ситуация наблюдается при осуществлении терактов. Объектом воздействия является общество или его часть (например, административно-управленческий аппарат), хотя с насилием непосредственно сталкиваются либо военные, либо невинное гражданское население. В широком смысле терроризм это «незаконное использование силы или насилия против лиц или имущества для устрашения или принуждения правительства, гражданского населения или их составляющих в политических или социальных целях» [Coady 2003: 72].

Другой важный аспект, делающий терроризм эффективным, — его принципиальная *непредсказуемость* [Stolzenberg 2006: 68]. Это важное отличие от насилия вообще, поскольку оно ожидаемо и *прогнозируемо*. Конечно, эксперты могут говорить об определенных прогнозах активности *террористических организаций*, но в отношении отдельных лиц это почти невозможно.

5. Террористические организации в разных регионах мира

Известно, что в прошлом радикальные организации активно использовали насилие неизбирательного свойства и терпели крах. В конце XX века они перешли к применению дозированного, адресного насилия, как правило, осуществляемого путем террористических актов против агентов правительства и чиновников. Более того, значительная «доля насилия» (если судить по числу погибших), было перенаправлена «вовнутрь» организаций — объектом террора стало окружение адептов движения, а также те, кто не был допущен по причине недостаточной верности вождю или идеалам. Первым движением, реализовавшим на практике принцип «бей своих, чтоб чужие боялись», было Сендеро Люминосо (СЛ) или «Сияющий путь». За примерно 15 лет активной террористической деятельности (1978-1992), СЛ истребило около 66 000 человек. Лидер движения, Абимаэль Гусман Рейносо, многое заимствовал из практики Культурной революции и «красных кхмеров». Уже через несколько лет с начала борьбы, сендеристы развязали кампанию террора. За 1980-1983 гг. они провели несколько сотен терактов, в которых погибли более 1 500 человек. Другие левые движения и организации сендеристы называли ревизионистами и отступниками, против которых необходимо применять «революционное насилие». Именно слабость и разобщенность перуанских левых сделала возможным возникновение СЛ [Masterson Daniel 2010: 51-52]. Так как организация, ввиду малочисленности и подпольного характера деятельности, была не в состоянии контролировать поселки, то в них стали создаваться законспирированные ячейки. Сама структура СЛ была трехуровневой: базовые силы — местные силы — главные силы. Под «базовыми» подразумевались локализованные в деревнях боевые ячейки. Боевыми акциями и непосредственным руководством занимались командиры среднего звена; центральное руководство, находившееся в относительной безопасности благодаря децентрализованной структуре, занималось выработкой стратегии борьбы и идеологии движения [Masterson Daniel 2010: 53].

Мобилизация зачастую проводилась с помощью вооруженной силы. Колонны сендеристов входили ночью в поселки и похищали детей в возрасте до 7 лет. Детей затем обучали тактике боевых действий, использованию взрывчатки и другим аспектам партизанской войны. Инициация завершалась только после совершения убийства публичного лица: чиновника, полицейского или сельского старосты. Типичным для СЛ было вовлечение родственников, чаще всего, сыновей и отцов. Многие свидетели отмечали, что «семейный подряд» способствовал сильной сплоченности рядов движения [Masterson Daniel 1991: 201-216]. В некоторых районах страны с подачи правительства были организованы крестьянские антисендеристские патрули, так называемые «рондас» (*rondas*). В дальнейшем разгорелась фактическая гражданская война. Следует отметить, что в 80-е противостояние сендеристов и рондерос носило вялотекущий характер. Только когда правительство взяло последних под покровительство, СЛ перешло к массовому террору. Крестьяне говорили, что террористы «едят плоть и пьют кровь простых людей» [Ponciano del Pino 1995: 380].

Второй по времени возникновения была организация тамильских националистов. В середине 60-х годов националистическое правительство Цейлона лишило гражданства потомков тамильских рабочих, завезенных в свое время англичанами, и начало их депортацию в Индию. Тогда же на острове появился Объединенный фронт освобождения тамилы (ОФОТ), чей целью было создание независимого государства Тамил Илам (в переводе с тамильского «илам» значит «страна»). ОФОТ, правда, действовал мирными методами. Когда в 1972 году Цейлон стал полностью независимым и получил новое название — Республика Шри-Ланка, отношения между тамилами и сингалами резко ухудшились. В том же году из ОФОТ демонстративно вышла группа молодежи, недовольная «бездействием организации». Лидером раскольников стал 18-летний В. Прабхакаран. Он создал более радикальную структуру под названием «Тигры освобождения Тамил Илама» (ТОТИ).

Изначально ТОТИ сотрудничали с другими вооруженными тамильскими группировками, но позднее порвали с ними и начали против них борьбу. Они полагали, что борьба будет эффективнее, если остальные группы, склонные к компромиссу в конфликте, будут устранены. Следствием такой борьбы стало то, что ТОТИ заняли позицию важнейшей военной группировки, борющейся за создание тамильского государства. Структуру ТОТИ образуют два подразделения, называемые Военное крыло (включающее в себя Морских тигров, Воздушных тигров, Черных тигров (террористы-самоубийцы), элитный боевой отряд и подразделение разведки) и подчиненное Политическое крыло. Центральное управление обеими подразделениями осуществляет руководство во главе с основателем и верховным лидером ТОТИ В. Прабхакарном [The LTTE in brief 2008: 2]. Рекруты ТОТИ готовятся умереть за идею при необходимости и носят с собой капсулы с цианидом на случай пленения. ТОТИ используют в качестве солдат детей и подростков, что нашло подтверждение в факте сдачи правительственным войскам 25 боевиков в возрасте от 13 до 17 лет. После этого ТОТИ приняли обязательство не использовать детей, но ЮНИСЕФ и HRW уличили их в нарушении данного обещания и использовании в качестве новобранцев детей, оставшихся сиротами после цунами 2008г. Схожие сообщения были получены от многих гражданских свидетелей. ЮНИСЕФ подтвердил набор в армию 315 детей в период с апреля по декабрь 2006 г., а общее число детей-рекрутов, начиная с 2001 г. приближается к 6000 [HOFA 2010: 10].

Взаимодействие с населением ограничено пропагандой среди тамилы и терактами против сингалов. В качестве посредников для связи с миром используются многочисленные международные культурные и просветительские организации тамилы, например «Всемирное тамильское движение» (ВТД), «Тамильская Ассоциация Мира», «Тамильское Движение Мира» и др. Хотя у ТОТИ есть политическое крыло, они не стремятся стать партией. На парламентских выборах 2004 года они открыто поддерживали Тамильский национальный альянс, который получил 90% голосов в избирательном округе Джафна.

Нападения на гражданских производятся на транспорте, в мечетях и храмах, объектах инфраструктуры и сопровождаются многочисленными жертвами. По данным Jane's Information Group, с 1980 г. по 2000 г., ТОТИ осуществили 168 нападений смертников на гражданские и военные объекты, став первопроходцами в использовании подобной тактики и превысив аналогичный показатель у «Хезболлы» и «ХАМАСа», вместе взятых. Тамильские тигры ответственны за этнические чистки против сингалов и мусульман-тамилы, проживавших на контролируемых ими территориях. Например, были подвергнуты тактике «выжженной земли» сингалы на северо-востоке, а вся мусульманская община Джаффны была выселена в 1990 г [The LTTE in brief 2008: 4-6].

Идейной базой движения является тамильский национализм, «сдобренный» пропагандой социальной справедливости. Движение борется за создание независимого тамильского государства на территории Шри-Ланки (независимого тамильского государства на северо-востоке Цейлона, с центром в Джафне). При этом, для поддержки организации используются любые средства: давление на бизнес и эмигрантов с целью рэкета, пиратство, незаконные банковские операции, наркоторговля. Все это прикрывается благой целью достижения независимости [HOFA 2010: 27].

Наконец, третий регион — Ближний Восток — известен многим как источник международного терроризма. Но здесь есть и страна, террор из которой почти не «выплескивается» вовне. Это Сомали. Более 20 лет, начиная с 1991 года, территория, на протяжении 30 предшествовавших лет известная как республика Сомали находится в состоянии перманентного политического кризиса, усугубляемого фактическим распадом государства на несколько частей, наличием внутренних вооруженных конфликтов и социально-гуманитарной катастрофой.

Основной проблемой, с которой столкнулись федеральное правительство, была коррупция и отсутствие прямого доступа к официальной информации, особенно касающейся рас-

предела финансово и гуманитарной помощи стран Запада. Даже введение в некоторых районах упрощенного судопроизводства (по образцу военно-полевых судов) не изменило положения к лучшему. Эта ситуация усугублялась эклектичным характером правовой системы, сочетающей в себе в разных частях страны нормы традиционного права, шариата и доктринального уголовного кодекса. По этой причине преследование преступников не всегда возможно.

Второй проблемой является массовое насилие. Большая часть Сомали стала просто непроходимой из-за различных блокпостов и армейских лагерей. Тесно связана с данной проблемой и ситуация с насилием в детской и подростковой среде. Из 6,8 млн. чел. населения около 400 тыс., в основном, женщины и дети, являются внутренне перемещенными лицами, годами проживая в лагерях беженцев. Дети-сироты и беспризорники часто вовлекаются в совершение терактов, бандитских нападений и иных противоправных действий большинством кланов. Тем самым искусственно поддерживается «психология войны» в умах подрастающего поколения, что затрудняет урегулирование. К тому же, дети не подсудны, и большинство подобных преступлений остаются безнаказанными.

Чаще всего подобно тактикой пользуются экстремисты из организации Аль-Шабаб, совершающие покушения на членов региональных администраций и военнослужащих. Малолетние террористы, ищущие пропитания, попросту покупаются. Например, бросок гранаты или другого взрывчатого вещества обходится в 20 долл. США. К слову, добровольно-принудительный наем детей и подростков в военизированные формирования время от времени производится всеми тремя «государствами», притом, что система регистрации рождений в Сомали не работает и установить подлинный возраст комбатантов для наблюдателей обычно не удается. Сироты и беспризорники часто вовлекаются в совершение терактов. Тем самым искусственно поддерживается «психология войны» в умах подрастающего поколения, что затрудняет урегулирование. К тому же, дети не подсудны, и большинство подобных преступлений остаются безнаказанными. Малолетние террористы, ищущие пропитания, попросту покупаются [Bureau of Democracy 2007: 5].

Насилие радикалов направлено, в основном, против беженцев и перемещенных лиц, сотрудников местных организаций и служб правопорядка. Оно носит избирательный и характер и является не столько террором, сколько инструментом влияния на внутривнутриполитическую ситуацию в Сомали. В последние годы Сомали стала транзитной территорией для похитителей людей с целью продажи их для принудительных работ (в основном, в страны Европы и Персидского залива), на чем наживается международная мафия и полевые командиры. Но еще сложнее обстановка с пиратством, которое питается за счет получения выкупов с захваченных судов.

В последние годы Сомали стала транзитной территорией для похитителей людей с целью продажи их для принудительных работ (в основном, в страны Европы и Персидского залива), на чем наживается международная мафия и полевые командиры. Часто их жертвами становятся дети. Большинство исчезновений происходит на юге страны, особенно в Кисмайо. Слабое и коррумпированное сомалийское государство не может противостоять этой угрозе. Даже в самом Сомали по данным ЮНИСЕФ, в начале 2000-х годов работало от 29 до 36% детей в возрасте от 5 до 14 лет. Но еще сложнее обстановка с пиратством, которое «питается» за счет получения выкупов с заложников и захваченных судов.

Как видно, современные террористические организации сближает ряд аспектов: структура организации, характер мобилизации и взаимодействия с населением, характер осуществляемого насилия, реакция общества и государства, а также идеология. Незначительные отличия, наблюдаемые в лозунгах, целях и руководстве, объясняются, скорее всего, местными условиями борьбы экстремистов против государства. Наблюдается разительное сходство в способах инициации новых adeptов. Главной причиной успешности насилия может быть социальный коллапс, точнее, его последствия, — неслучайно же всплеск террористической

активности мы наблюдаем в так называемых «failed states», несостоявшихся государствах, которые находятся в стадии распада и дезинтеграции. Карл Батцер в своей работе показывает, что коллапс сложных обществ осуществляется под воздействием ряда факторов, лимитирующими из которых являются экономический спад, недостаток важных ресурсов, временные рамки, а также политическая и культурная гибкость [Butzer 2012]. При этом лишь два последних фактора являются решающими, а предыдущие отвечают только за масштаб коллапса, но не за сам факт его наступления.

6. Постсоветская Россия: на пути к «failed state»?

Несостоявшиеся государства обладают следующими характеристиками:

- наличие гражданских войн или внешних вторжений;
- этническая, религиозная или языковая вражда;
- государство не контролирует полностью свою территорию и границы;
- слабые центральные институты, зависимые суды и отсутствие демократии;
- коллапс инфраструктуры и коррупция;
- резкий рост разрыва в доходах между богатыми и бедными;
- использование военной силы исполнительной властью [Rada 2007: 3].

В этой связи особо следует рассмотреть ситуацию в России. Она представляет собой уникальный феномен: государство развитого мира с переходной экономикой и социальной системой, в которой растет спрос на насилие. Эти противоречивые характеристики и задают, если так можно выразиться, институциональный фон российской повседневности.

Данные мониторинга Фонда Мира за последние годы (2006-2011 гг.), на основании которых рассчитывается Индекс несостоявшихся государств [Found for Peace], говорят, что главные трудности в распавшихся государствах вызывают наличие беженцев, разобщенность элит, низкая легитимность государства и неэффективность аппарата спецслужб. По крайней мере, именно эти показатели связаны с контролем над насилием. И они же в проблемных странах (Сомали, Афганистан, Чад и др., занимающих первые места в ежегодных рейтингах Фонда) чаще всего равняются 10,0 (теоретически возможный максимум по шкале от 0,0 до 10,0) или немного отклоняются от него (не более чем на 0,5 балла). В то же время, данные показатели по России сокращаются:

Табл. 1. Изменение базовых показателей FSI по России

Показатель/год	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Беженцы и перемещенные лица	6,0	7,2	5,9	5,4	5,9	5,4	5,1
Низкая легитимность	9,4	8,2	7,6	7,9	8,0	8,1	7,8
Неэффективность спецслужб	7,6	7,5	6,8	7,0	6,9	6,8	7,2
Фрагментация элит	9,2	9,0	8,5	8,0	8,0	7,6	7,8

Это вызывает определенное недоумение, ведь итоговая сумма по всем 12 критериям для России за тот же период более-менее *стабильна* (колеблется в пределах от 77,7 в 2011 году до 87,1 в 2006 году). Особенно это важно в отношении фрагментации элит — именно противоречия внутри правящей коалиции являются последней каплей, наполняющей чашу несостоятельности государства. Мы вполне обоснованно можем опасаться прохождения «точки икс» до 2020 года.

Объяснить эту странность способна концепция варлордизма. Варлорды (от англ. Warlord) — это правители, контролирующие определенную территорию с опорой на военную мощь. Территория, управляемая варлордом, обычно совпадает с границами расселения той группы, из которой он происходит (этнической, социальной, профессиональной, конфес-

сиональной). Он сам пользуется определенной легитимностью и подменяет или подчиняет себе функции, институты и ресурсы государства. При этом экономика нередко носит смешанный характер и сводится к той или иной нелегальной деятельности, хотя и не замыкается в рамках данной территории [Williams 2008: 9].

Здесь ключевой момент в легитимности и эффективности насилия: хотя варлорд подменяет государство, его насилие не становится нелегитимным, как в случае с террористами. Наоборот, опора на страх и физическое насилие позволяет создать и поддерживать подобие порядка (основанного на силе, а не на праве), а персональный характер власти объединяет элиту на базе шаткого консенсуса. Соответственно, подобный режим обладает определенной устойчивостью и внутренней стабильностью. На материале изучения Руанды, Ирака и Косово, Петер Рада пришел к выводу, что для изменения подобного режима нужны следующие условия: безопасность, демократические институты, устойчивость и национальное строительство, экономическое развитие [Rada 2007: 7-11]. Как показали примеры Восточного Тимора и Косово, значительную роль в этом вопросе могут сыграть международные наблюдатели и миротворцы. Их авторитет и своевременные действия способны не допустить манифестацию насилия или сократить издержки таковой [Rees 2005: 206-208]. Конечно, современной России еще далеко до состояния Руанды или Тимора, а варлорды если где и правят, так только на Северном Кавказе.

Еще в ельцинскую эпоху акад. В.С. Нерсесянц, анализируя роль права в современных условиях, отмечал, что для России «характерны такие типично феодальные явления, как девальвация роли закона, бездействие общих правовых принципов и норм, конкуренция источников права» [Нерсесянц 1995: 44]. Заметим, что аналогичного мнения придерживается Д. Норт, отмечая, что именно правовые условия функционирования собственности и правил доступа к ресурсам власти и справедливому судопроизводству создают возможность перехода от порядков ограниченного доступа к порядкам открытого доступа. Промежуточную стадию Д. Норт именуется «ублюдочный феодализм», отмечая ее «незаконнорожденный» характер с точки зрения как господствующей коалиции (элиты), так и масс [North, Wallis, Waingast 2009: 87-104].

По этой причине, для большей части России скорее подойдет *феодалная модель анализа*, сформулированная В.Э. Шляпентохом. Она предполагает, что «центральная власть должна сотрудничать с разными влиятельными силами, в том числе, региональными лидерами, а также с церковью и другими главными игроками на общественной сцене. *В обмен на легитимность*, — а это товар может обеспечить только центральная власть, — всевозможные социальные силы снабжают лидера войсками, финансами и поддержкой в избирательном процессе» [Шляпентох 2008: 48]. В этом определении ключевыми являются два аспекта. Во-первых, *договорный характер отношений* между центром (лидером) и местными элитами и другими игроками. Во-вторых, *предмет договора* — легитимность — единственное, что другие игроки не имеют. В феодальном обществе у государства нет и в помине монополии на насилие, нормотворчество или охрану правопорядка (все эти виды социальной активности доступны и другим игрокам, а государство, в лучшем случае, «первый среди равных»), и единственное, чем оно может привлечь партнеров — одобрительная санкция на любые действия от вышестоящей инстанции (центральной власти). Таким образом, государство *всегда* зависит от других игроков. Имманентная слабость центральной власти является главным элементом феодальной модели.

7. Структура насилия в современной России: общий обзор

Рассмотрим вторую характеристику подробнее. Действительно, уровень преступности в России превышает аналогичные показатели в развитых странах и приближается к уровню стран Юга, причем не самых успешных. За последние годы в России число лиц, погибших от

преступных посягательств (т.е. не только в результате убийств, но и грабежей, изнасилований, терактов и др.) составляло в среднем 34 на 100.000 жителей в год, с некоторой тенденцией к уменьшению этого числа [Росстат 2011: 302].

Табл.2. Число лиц, погибших от преступных посягательств в России*

Год/количество пострадавших	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Тыс. чел.	68,5	61,3	54,0	46,0	31,3	31,3
На 100 тыс. жителей	47,7	42,7	37,8	32,2	21,9	21,8

* Снижение числа погибших связано с общим снижением числа потерпевших

Заметим, что это уменьшение связано как с улучшением криминальной обстановки (в том числе, окончанием военных действий на Северном Кавказе), так и с изменением правил учета совершенных преступлений. Именно поэтому для понимания общей картины корректнее брать средний показатель за последние пару лет, который составляет 25 насильственных смерти в год на 100 000 человек. По общему количеству преступлений Россия сейчас имеет показатели середины 1990-х гг., например, в 2010 г. общее число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек составило 1839, а в 1995 г. — 1857 (в ряде федеральных округов нынешний уровень соответствует концу 1990-х). С 2002 по 2006 годы в РФ наблюдался резкий и неуклонный рост фиксируемых преступлений, с 1739 до 2706 на 100 000 жителей или на 56%. Чем же вызвана подобная «криминализация» России? Мы полагаем, что она вызвана ростом показателей «фрагментарность элит» и «неэффективность спецслужб» в индексе FSI, рассчитываемом по методике Фонда Мира. Именно на середину 2000-х годов эти два показателя, столь важные для обеспечения правопорядка и законности, достигают максимума (см. выше).

Характерно, что единственный регион, где показатели середины 2000-х хотя и выше начала и конца данного десятилетия, но все же не дотягивают до показателей начала — середины 1990-х, это Северный Кавказ, и в частности, Дагестан. Здесь ситуация принципиально иная. В границах СКФО максимум был достигнут в 2000-2001 годах (1055-1080 преступлений на 100 000 жителей), и затем почти повторен в годы общероссийского максимума 2005-2007 (около 1030 преступлений). Если это еще можно объяснить активной фазой второй войны в Чечне, то в Дагестане картина еще интереснее: там максимум пришелся на начало 1990-х годов (около 650) и не был даже близко повторен в конце 2000-х годов (около 550 в год). К сожалению, отсутствие данных на начало 1990-х годов по Кабардино-Балкарии, Ингушетии и Чечне не позволяет провести анализ по всем регионам округа, но мы можем смело предполагать, что они повторяют медианную тенденцию по Северному Кавказу. Разумеется, общее количество преступлений не позволяет судить об эффективности насилия в полной мере. Для этого необходимы данные по преступным посягательствам, повлекшим за собою смерть потерпевших. К сожалению, здесь Росстат предоставляет данные только в абсолютных цифрах, то есть общее число преступлений по субъектам федерации, безотносительно к числу жителей региона. Конечно, опираясь на данные Переписи-2010, можно рассчитать и показатель на 100 000 жителей, но эти цифры будут примерными.

Итак, в 2010 году в СКФО было совершено 872 убийства и покушения на убийство (для сравнения — в соизмеримой с ним по численности населения Московской области и ДФО — 746 и 1117 соответственно). По России в целом этот показатель составил 15,5 тыс. на 142,9 млн. или 10,8 на 100.000 жителей. На Северном Кавказе же этот показатель составляет 872 на 9,4 млн. или 9,3 на 100.000 жителей, а в Дагестане — 296 на 2,914 млн. или 10,2 [Регионы России 2011: 301]. Оба показателя заметно ниже, чем в среднем по России, и это в регионе, традиционно и вполне заслуженно считающемся источником социальной нестабильности.

Аналогичная картина предстанет перед нами, если мы рассмотрим такой показатель, как «число преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении потерпевших» в соизмеримых по численности населения субъектах федерации с данными по России в целом и СКФО [Росстат 2011: 300].

Табл.3. Число преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении потерпевших (2010 год).

Название региона	Всего, тыс. шт.	В среднем на 100 тыс. чел.
Россия	451,2	315,6
СКФО	10,9	115,9
Дагестан	1,725	59,2
Ставропольский край	5,917	212,5
Воронежская область	3,476	153,8
Волгоградская область	7,497	287,2
Самарская область	13,256	504,1
Красноярский край	12,297	434,5
Пермский край	11,853	369,2

Как видно из данных таблицы, наличие вялотекущего вооруженного конфликта и активного террористического подполья *если и сказывается* на преступности, то почему-то *благостным образом*, приводя к снижению этого показателя. К слову, именно те северокавказские республики, из которых СМИ передают репортажи о терактах (Карачаево-Черкесия, Ингушетия, Дагестан и Чечня) находятся в «хвосте» списка регионов по числу зарегистрированных преступлений на 100.000 жителей, занимая места с 80 по 83 соответственно [Регионы России 2011: 329]. Нам представляется, что такое положение является естественным и закономерным — применение физического насилия для институализации своей власти типично для варлордов, которые и правят российской частью Кавказа. Чрезмерное насилие, проявляемое в убийствах и терактах, «компенсируется» низким уровнем остальных типов насилия в регионе. Действительно, там, где правят варлорды, нет уличной преступности (или она сведена к минимуму), а другие нетяжкие преступления составляют меньшую долю, чем в современных обществах. Это происходит не только потому, что в условиях варлордизма палитра социальных практик заметно беднее (скажем, не имеет смысла в Сомали продавать контрафактные лекарства, а в Афганистане — подделывать кредитные карты), но и потому, что *такое насилие бессмысленно*.

В современном обществе уличная преступность и сопутствующие ей социальные практики, есть удел социально незащищенных граждан, для которых существующие каналы мобильности, санкционированные социумом, закрыты. В таких условиях «девиантные личности» могут войти в систему социальных контрактов через «частные армии» варлордов, экономическая активность которых, по крайней мере, поначалу, связана с вышеозначенными социальными практиками «преступного мира». Только теперь это не патология, а социальная норма в условиях «failed state». Наоборот, это зависит от того, насколько эффективно насилие в данных условиях для решения данных задач. Известно, что прямое физическое насилие ограничивает размер сообщества, которым с его помощью можно управлять. Выходом из этого тупика является создание ренты — то есть искусственного ограничения на доступ к ресурсам, созданного господствующей коалицией для контроля над населением [Норт 2012: 19-21].

8. Будущее насилия в России: «частные армии»

Как уже указывалось, варлорды опираются на прямое физическое насилие, осуществляемое группами их вооруженных сторонников. Эти группы, если организованы должным образом и существуют на постоянной основе и сколь-нибудь длительное время, называются «частными армиями». Этот условный термин, получивший свое распространение среди журналистов и политических обозревателей, как нельзя лучше описывает складывающуюся ситуацию. Изначально он применялся в отношении профессиональных бойцов, находящихся на службе частных военных компаний (далее — ЧВК), например, компании «Black-water», которые предлагают специализированные услуги, связанные с участием в военных конфликтах или боевых операциях, а также со сбором информации, стратегическим планированием, логистикой и консультированием.

ЧВК создавались *частным* капиталом при поддержке государства для содействия армии США или связанным с ней компаниям в вопросах обеспечения безопасности. Начало этому процессу было положено еще в 1997 году. Армиями они не являются, но значительная численность штата и резерва у лидирующих ЧВК (до нескольких десятков тысяч человек) позволила родиться журналистскому штампу. Для нас важен другой аспект — по аналогии с ЧВК, которые осуществляли *санкционированное государством легитимное насилие*, в ряде регионов мира в условиях «failed state» стали создаваться вооруженные группы вне контроля правительства, осуществляющие *нелегитимное насилие вопреки государству*. Они тоже получили название частных армий, тем более что по численности они вполне могут тягаться с правительственными войсками в своих странах, как минимум. Примерами таких «частных армий» могут быть антиталибская коалиция в Афганистане, отряды «Тамильских Тигров» на Шри-Ланке, «Армия бога» в Мьянме.

Но Россия успела отличиться и в этом вопросе. В 2007 году крупным корпорациям было позволено создавать особые структуры для охраны своей продукции, если ее потребляют стратегически важные предприятия и отрасли экономики [222-ФЗ]. Наличие частных армий говорит о том, что процесс «феодализации» современной России зашел далеко. По мнению акад. А.Я. Гуревича, для Средневековья типичны гетерогенность политического строя, многоукладный характер экономики, особая роль городов, противостоящих окружающему сельскому ландшафту и наличие фактической частной собственности на судопроизводство, взимание налогов и войско [Гуревич 1999: 196-199]. Если присмотреться к современной России, то все эти черты легко обнаружить. Многоукладный характер экономики проявляется в смешении натурального хозяйства (в ряде аграрных районов), индустриального производства (Урал и Сибирь) и постиндустриальной экономики (Центральный район). Это касается не только территориального, но и отраслевого устройства экономики. Гетерогенность политического строя ярче всего проявляется в ходе выборов, когда результаты диаметрально отличаются в т. н. «зонах управляемого голосования» и остальных регионах, а также в наличии разного типа политических режимов в разных регионах страны (от жестко авторитарных до либеральных). Крупные города в последние годы также являются «чужеродным элементом» по критерию политической активности (в том числе, антиправительственной) и качеству жизни. Особенно это видно в столицах, чье население имеет уровень потребления неизмеримый с европейским, в то время как большая часть России может похвастать лишь латиноамериканским [Социальное положение 2011: 133-138].

Политическая гетерогенность и многоукладность экономики эпохи «нового Средневековья» в России делают невозможным модернизацию страны, в виду того, что отсутствует субъект модернизации. Неофеодализм означает «распыление» институтов, в том числе, институтов права и насилия, за которые будут ответственны множество акторов, а не только государство. Этому будет способствовать и уже наблюдаемая архаизация общественно-политической жизни. Применение практик позднего «застоя» (массовые демонстрации в под-

держку власти на фоне падения ее легитимности, финансовые вливания в армию и полицию в условиях коррумпированности и неэффективности силовиков и др.) свидетельствует о постепенном снижении управляемости политическим процессом. Вкупе с растущим дисбалансом в доходах населения и макроэкономической нестабильностью мы можем прогнозировать де-факто распад государства на «институционально-автономные модули». Каждый из них будет пытаться выполнять определенную функцию (например, публичного представительства интересов посредством политических партий) в *ущерб остальным функциям* (скажем, новосозданные партии могут способствовать дальнейшей делегитимации режима) и другим модулям.

Таким образом, Россия может оказаться в состоянии социального коллапса. Общество, пережившее столь мощный кризис, характеризуется следующими чертами:

- падение авторитета центральной администрации и власти вообще, снижение военной мощи и отдельные восстания в отдаленных провинциях;
- постепенная дезинтеграция и неэффективность управления, даже если правительство располагает необходимыми рычагами влияния;
- «зонтик законности» не защищает население от «дождя беззакония», а уполномоченные лица не справляются с поддержанием правопорядка [Tainter 1988: 32-33].

Причина подобных изменений, как представляется, заключена в том, что при отсутствии транспарентных для всех социальных слоев «правил игры», соблюдать которые вынужден каждый, выигрывает тот, кто первым нарушает правила. Подобное иррациональное поведение игроков, изученное в рамках т. н. *«теории драмы»*, показало, что нарушение устоявшихся правил (получившее название творческая рациональность) способствует сохранению эффективности действий в нестабильных ситуациях (например, при распаде государства) и выработке решений, оптимальных для всех [Howard, Bennet, Bryant, Bradley 1992: 101]. Вот почему при определенных обстоятельствах беззаконные действия и «инвестиции» в насилие, в том числе, со стороны властей предрешающих, окупаются сторицей.

[222-ФЗ]. Федеральный закон № 222-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» и статью 12 Федерального закона «Об оружии» от 24 июля 2007 г.». — *Собрание Законодательства РФ*. — № 32. — Ст. 4121.

Гуревич А.Я. 1999. Начало феодализма в Европе. — *Избранные труды в 2 т.* Т. 1. — М-СПб: ЦГНИИ ИНИОН РАН.

Давыдов А.А. 2006. *Системная социология*. — М.: КомКнига.

Жижек С. 2010. *О насилии*. — М.: Издательство «Европа».

Корнейчук Б.В. 2007. *Институциональная экономика: учеб. пос. для вузов*. — М.: Гардарики.

Нерсесянц В.С. 1995. Цивилизм как концепция постсоциализма: свобода, право, собственность. — *Общественные науки и современность*. — № 5.

Норт Д. 2012. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности [Текст]: докл. к XIII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 3–5 апр. 2012 г. / Д. Норт, Дж. Уоллис, С. Уэбб, Б. Вайнгаст; пер. с англ. М. Дондуковского и Е. Леонтьевой; под науч. ред. А. Яковлева и Л. Полищука; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

[Регионы России]. 2011. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011*: Стат. сб. — М.: Росстат.

- [Росстат]. 2011. *Российский статистический ежегодник. 2011*: Стат. сб. — М.: Росстат.
- Седов Л.А. 1990. Институт социальный. — *Современная западная социология*. — М.: Изд-во политической литературы.
- Смелзер Н. 1994. *Социология*: пер. с англ. — М.: Феникс.
- [Социальное положение]. 2011. *Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011*: Стат. сб. — М.: Росстат.
- Шляпентох В.Э. 2008. *Современная Россия как феодальное общество. Новый взгляд на постсоветскую эру*. — М.: Столица-принт.
- Albert B. 1989. Yanomami "Violence": Inclusive Fitness or Ethnographer's Representation? — *Current Anthropology*. — Vol. 30. — No. 5. — P. 637-640.
- Betzig L, Dentan R.K., Knauff B.M., Otterbein K.F. 1988. On Reconsidering Violence in Simple Human Societies. — *Current Anthropology*. — Vol. 29. — No.4. — P. 624-636.
- [Bureau of Democracy]. 2007. *Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor Year Report*. — Washington, D.C.
- Butzer K.W. 2012. Collapse, environment, and society. — *PNAS*. — Vol. 109. — No. 10. — P. 3632–3639.
- Coady C.A.J. 2003. Was ist Terrorismus? — *Terror und der Krieg gegen ihn. Uffentliche Reflexionen*. Ed. G. Meggle. — Paderborn.
- Earle T. 1987. Chiefdoms in archaeological and ethno-historical perspective. — *Annual Reviews in Anthropology*. — Vol. 16. — P. 279-308.
- Earle T. 1989. The Evolution of Chiefdoms. — *Current Anthropology*. — Vol. 30. — No. 1.
- Found for Peace. — Доступно: <http://www.fundforpeace.org/global/?q=fsi-grid>
- Fox S., Hoelscher K. 2011. *Political Order, Development and Social Violence. A cross-country study*. — London: Crisis States Research Centre, London School of Economics & Political Science.
- Fuller G. 1995. The Demographic Backdrop to Ethnic Conflict: A Geographic Overview. — *The Challenge of Ethnic Conflict to National and International Order in 1990's*. — Washington: CIA Hg.
- Hart D., Atkins R., Markey P., Youniss J. 2004. Youth Bulges in Communities: The Effects of Age Structure on Adolescent Civic Knowledge and Civic Participation. — *Psychological Science*. — Vol. 15. — No. 9. — P. 591-597.
- Heinson G. 2006. *Soehne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen*. — Zuerich, Orell Fuessli Verlag AG.
- [HOFA]. 2010. *Humanitarian Operations Factual Analysis (July 2006 — May 2009)*. — Ministry of Defense Democratic Socialist Republic of Sri Lanka.
- Howard N., Bennet P.R., Bryant J.W., Bradley M. 1992. Manifesto for a Theory of Drama and Irrational Choice. — *Journal of Operational Research Society*. — Vol. 44.
- Kelly R.L. 1995. *The foraging spectrum: Diversity in hunter-gatherer lifeways*. — Washington, DC: Smithsonian Institution Press.
- Knauff B.M., Daly M., Wilson M., Donald L. at all. 1987. Reconsidering Violence in Simple Human Societies: Homicide among the Gebusi of New Guinea. — *Current Anthropology*. — Vol. 28. — No. 4. — P. 461-476.
- Levi M. 1997. *Consent, dissent, and patriotism*. — New York: Cambridge University Press.
- Mahathir bin Mohamad. 1998. *The Way Forward*. — London: Wiedenfeld & Nicolson.
- Masterson Daniel M. 1991. *Militarism and Politics in Latin America: Peru from Sa'nchez Cerro to Sendero Luminoso*. — Westport, CT.
- Masterson Daniel M. 2010. The Devolution of Peru's Sendero Luminoso: From Hybrid Maoists to Narco-Traffickers? — *History Compass*. — No. 8/1.

North D.C. 1990. *Institutions, institutional change, and economic performance*. — New York: Cambridge University Press.

North D.C., Wallis J.J, Waingast B.R. 2009. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. — Cambridge: Cambridge University Press.

Otterbein K.F. 1986. *The ultimate coercive sanction: A cross-cultural study of capital punishment*. — New Haven, HRAF Press.

Ponciano del Pino. 1995. Peasants at War. — Orin Starn et al. (eds.), *The Peru Reader: History, Culture and Politics*. — Durham: Duke University Press.

Rada P. 2007. *Rebuilding of Failed States*. — Budapest.

Rees E. 2005. Public Security Management and Peace Operations. Kosovo and UNMIK: Never Land. — *After Intervention: Public Security Management in Post-Conflict Societies From Intervention to Sustainable Local Ownership*. Ed. Anja H. Ebnöther, Philipp H. Fluri. — Vienna-Geneva.

Shari B. 2010. *The Youth Bulge in Africa: Opportunities for Constructive Engagement in the Political Process*. — National Democratic Institute.

Stolzenberg J. 2006. Terrorism, War and Peace. — *Proceedings of International Congress for War and Peace: Florianópolis*. — Vol. 5. — No. 1.

Tainter J.A. 1988. *The Collapse of Complex Societies*. — Cambridge: Cambridge University Press.

The LTTE in brief. 2008. The Permanent Mission of Sri Lanka to the United Nations Office at Geneva.

Urdal H. 2004. The Devil in the Demographics: The Effect of Youth Bulges on Domestic Armed Conflict, 1950-2000. — *Social Development Papers. Conflict prevention and reconstruction*. Washington: World Bank. — No.14.

Urdal H. 2006. A Clash of Generations? Youth Bulges and Political Violence. — *International Studies Quarterly*. — No. 50. — P. 611-615.

Ware H. 2004. Pacific instability and youth bulges: the devil in the demography and the economy. — *12th Biennial Conference of the Australian Population Association*. — Canberra, 15-17 September.

Williams P. 2008. *Violent non-state actors and national and international security*. — Zurich: Swiss Federal Institute of Technology.